

ЭКСПЕДИЦИЯ «НА КРАЙ СВЕТА»

- Если мы доберёмся до Язулы и вернёмся, то мы сможем этим гордиться!
- А если не вернёмся?
- Тогда нами будут гордиться...

Участники экспедиции

Алексей Обухов,
главный редактор
журнала
«Исследовательская
работа
школьников»,
кандидат
психологических
наук

Летом 2003 года на территории Алтайского государственного природного заповедника Республики Алтай была проведена юношеская комплексная экспедиция «Телецкое озеро-2003». В ней принимали участие учащиеся и педагоги московских учреждений среднего и дополнительного образования, а также учёные ведущих вузов Москвы и институтов Российской академии наук.

Экспедиция проводилась в рамках программы развития исследовательской деятельности учащихся «Дети-исследователи» и программы «Развитие одарённости» в районе Телецкого озера с 10 июля по 10 августа. В ней участвовали 170 учащихся и 40 руководителей, которые выехали в этот прекрасный край для того, чтобы провести исследования в области геологии и экологии, фольклора и этнопсихологии, географии, истории и др.

В составе экспедиции работало 10 групп, каждая из которых имела свои исследовательские цели и задачи. В подготовительный период руководители групп выбрали свой объект исследований. Каждая группа работала на своём участке в разных местах заповедника. Например, группа «Биогеохимия» плавала на катамаранах по периметру Телецкого озера, беря пробы воды, измеряя различные гидрологические и биохимические показатели. Другая группа совершала горный поход в окрестностях озера. Наша группа «Социокультурная психология» находилась более чем за 700 километров от места общей дислокации в Улаганском районе — регионе компактного проживания теленгитов (одного из коренных народов Горного Алтая).

Выбор места

Выбор отдалённого места проведения исследований не случаен. Задачи нашей группы: изучить образ жизни, мировоззрение, особенности сознания и самосознания людей в условиях моноэтнических культурных традиций, где эти традиции сохранились. В таких поселениях можно рассчитывать на наиболее безопасное пребывание — жители, как правило, радушны и открыты для общения, а конфликты маловероятны.

Готовиться к экспедиции начали осенью 2002 года. Небольшая группа «квартирьер» выехала, чтобы узнать, в каких именно местах смогут летом работать исследовательские группы по различным предметным направлениям. Вели переговоры с дирекцией Алтайского заповедника. Выясняли возможные схемы перемещений, обеспечения и т.д.

В мае определился состав группы. Удалось взять значительно меньше ребят, чем ранее (обычно группы были до 30, а то и более человек, а в этот раз — 24). Некоторые ребята ехали просто потому, что в этой группе были их друзья. Для подростков это наиболее значимый мотив при выборе группы. И, как ни странно, именно этот мотив, который зачастую «забрасывает» отрока в непонятную изначально для него область деятельности, позже перерождается в искренний интерес уже к самой деятельности. В любом случае важно, опираясь на ожидания участников, выстроить деятельность экспедиции так, чтобы в неё включились все.

Общий настрой на максимальные сложности в дальнейшем позволил почти не замечать трудности дороги, легко их переживать и радоваться своим достижениям. «Если ты не можешь изменить условия, то ты можешь изменить своё отношение к ним» — таков был лейтмотив позитивного переживания трудностей. И каждый участник старался как-то поддерживать других в этом.

Алтайские зарисовки

Если и есть в России благословенные места, то одно из них, несомненно, — Алтай. Предложение поехать туда в фольклорно-этнографическую экспедицию вместе с учащимися Лицея на Донской и Дома научно-технического творчества молодёжи я принял без рассуждений. И не только потому, что никогда не был на Алтае, не потому, что слышан о красотах этого края, о хорошей сохранности фольклорных и обрядовых традиций коренных алтайцев и русского старожильческого населения. Нет. Просто всегда было в этом слове — Алтай — для меня что-то родное и зовущее.

И вот — через четыре часа полёта из Москвы в Барнаул, через шесть часов поездки в поезде до Бийска, где состоялось первое знакомство с большинством моих будущих коллег, и двенадцать часов езды до Улагана в забитом до отказа школьниками и вещами автобусе — я в Горном Алтае.

Совместная работа со школьниками представлялась мне сначала вроде студенческой экспедиции, которые я проводил неоднократно. Но всё оказалось немного другим. Что меня беспокоило в первую очередь, так это то, насколько школьники заинтересованы в фольклорно-этнографической работе. Ведь без искреннего интереса к людям, живущим в глухих уголках России совсем не так, как мы, а тем более являющимся представителями другой этнической культуры, об успехе экспедиции можно и не мечтать. Скажу сразу: юные этнографы Лицея на Донской меня порадовали. Их готовность окунуться в незнакомый для себя мир проявилась в первые же дни работы. Здесь нам повезло — в Улагане, районном центре Горно-Алтайской республики, в те дни, когда мы приехали, проводился *курултай* (фестиваль) *кайчистов*. Из нескольких деревень района на него собрались молодые ребята, владеющие искусством горлового пения — *каем*. Были среди них и начинающие исполнители, и уже признанные мастера, такие, как А. Калкин, племянник ушедшего из жизни великого сказителя Алексея Калкина. После концерта-соревнования наши ребята провели интервьюирование участников *курултая*, которые затем, видя огромную заинтересованность, устроили для нас незапланированный концерт, своеобразный сэйшн, который мог бы продолжаться долго, если бы «не устал караул» — работники Дома культуры, где это всё происходило. Горловое пение сопровождало нас повсюду. Мы его слышали

Организационная подготовка включает следующие направления: сбор документов для оформления участников экспедиции по приказу, заказ и покупка железнодорожных билетов, заказ машины для груза к поезду; заказ автобусов на Алтае (этим занимались люди из группы обеспечения экспедиции); составление списка продуктов и их покупка (под руководством выбранного в группе «завпита»); составление списка и покупка необходимых хозяйственных вещей (под руководством выбранного в группе «завхоза»); сбор аптечки с учётом особенностей здоровья всех членов группы (делает участник группы, имеющий медицинскую квалификацию); подготовка необходимого для научной программы оборудования, закупка расходных материалов (руководитель группы); подготовка необходимого для общего досуга, творческих занятий (ответственный за досуг).

Период активных сборов длится около недели до выезда. Очень важно, чтобы в этот процесс были включены все участники группы. Именно во время сборов члены группы начинают осознавать, что каждый в какой-то мере несёт ответственность за общий успех. Участники группы распределяются по направлениям подготовки. Сборы в конечном счёте оказываются не в тягость, а в радость. Если кто-то прежде не был знаком друг с другом, то за неделю активных сборов все успевают подружиться. По ходу дела участники достаточно самопроизвольно распределяются по ответственностям — кому что ближе и понятнее, за что сам желает отвечать в рамках организационно-хозяйственных дел. В период подготовки очень важно создать дружескую и творческую атмосферу, но при этом нужно, чтобы ответственность, инициативность и взаимопомощь стали главенствующими. Общественные вещи подготовить к отправлению лучше всего дня за два до отъезда, чтобы оставить участникам экспедиции время на сбор личных вещей.

Отъезд

В конце концов всё собрано, упаковано, вещи доставлены на вокзал. Поезд, как обычно, подают с опозданием, а нужный вагон — самый дальний от начала платформы. Хорошо, что родителей много. Тут важно всё грамотно организовать и отследить, чтобы ничего не забыли. Посадка в вагон всегда суетна. Вещи забрасываются хаотически. Только успели всё загрузить, войти в вагон — поезд трогается. Всё! Начинается особая жизнь под названием «экспедиция» и её немаловажная часть — «дорога».

Дорога туда

В поездке на Алтай дорога — это совсем не маленькая часть экспедиции, а самостоятельное длительное действие. Длинная дорога на поезде с подростками отличается двумя особенностями: прогулками во время остановок, на которых кто-то может отстать от поезда; и тем, что подростков необходимо постоянно чем-то активно зани-

мать, чтобы их бурная энергия не стала разрушительной. Многолетний опыт руководства группами в дальних поездках позволяет эти проблемы предвидеть и организовать всё с пользой для программы экспедиции. После того как все вещи аккуратно распределены, начинается совместная жизнь группы в едином алгоритме. Вначале — общий сбор, на котором разъясняются правила поведения и требования к технике безопасности в дороге, распорядок жизни в поезде.

День в поезде распределяется по чёткому алгоритму: подъём, завтрак, два общих занятия с перерывом между ними, обед, снова два общих занятия с перерывом, ужин, вечерний досуг, отбой. Поясним, какие занятия у нас проходили в поезде «Москва — Бийск» в течение трёх дней. Вначале мы провели письменные опросы и анкетирование по поводу ожиданий от экспедиции у всех участников группы. После — лекционные занятия по истории Алтая, особенностям его культуры, образа жизни, системы верований алтайцев; практические занятия по методическим аспектам фиксации исследовательских материалов, а также по поводу особенностей проведения этнологической беседы. Расписание занятий было составлено так, чтобы в перерывах попадали большие остановки, на которых все выходили гулять. Вечером проводились игры, направленные на сплочение группы, умение слушать и слышать другого и т.д.

Общая задача, решаемая в пути, — заинтриговать неизвестностью, пробудить интерес к культуре, к людям, проживающим в отдалённых районах Горного Алтая. Но одновременно с этим и подготовить к взаимодействию с людьми иных культурных традиций, к осознанному исследованию другой культуры.

В дороге ребята распределили между собой ответственность в экспедиции по функционалу: ведение летописи, видеосъёмка, экспедиционные архивы, картоплан селения, стенгазета, помощь по хозяйству, помощь в организации питания, в сборах, отслеживание чистоты и порядка, наличие

дров, воды и т.д. Так, довольно насыщенно, мы прожили три дня в поезде. В Бийске нас уже ждал небольшой автобус.

Попрощавшись с другими группами, которые отправлялись на Телецкое озеро, мы продолжили свой путь до Язулы.

Приезд в Улаган — хорошее начало работы

Улаган был тем местом, до которого мы добирались по заранее спланированному маршруту. Дальше — дорога до Язулы. Рано утром, пока все ещё спали, удалось познакомиться с районной администрацией и выяснить, что есть в самом Улагане. На наше счастье, нас довольно радушно приняли. Более того, выяснилось, что на следующий день в клубе состоится районный курултай кайчистов (что-то вроде фестиваля-соревнования людей, владеющих горловым пением). Мы посетили местный краеведческий музей, где узнали о том, что хорошо бы увидеть ещё и место, находящееся не очень далеко, имеющее мировую известность, — Пазырыкские курганы, на которых были откопаны уникальные мумии и различные предметы, находящиеся теперь в алтайском зале Эрмитажа. На улицах впервые увидели айлы (круговые строения с конусовидной крышей из коры, земляным полом и очагом в центре). Выяснилось, что до Язулы можно добраться на каком-нибудь вездеходе («Урале», «КамАЗе» или «ГАЗе-66») — дорога через перевал займёт день. Также мы узнали, что нас смогут от Улагана увезти напрямую до Телецкого озера — такая дорога всё-таки есть и она идёт как раз мимо Пазырыкских курганов. Во второй половине дня нас отвезли на красивое место у берега речки в 10 км от посёлка. Там мы, толком не отдохнув с дороги, начали готовиться к первому рабочему дню.

Удивительно, что наш приезд совпал с уникальной возможностью познакомиться с современным состоянием древней народной традиции — горлового пения в Улаганском районе Алтая. Это воистину многообещающее начало экспедиции. Мы сразу решили воспользоваться ситуацией. Нам было

и на стоянке в Мандилу (между прочим, в исполнении начальника районного отделения милиции В. Сандяева), в деревне Паспорта, куда я доехал вместе с гастролировавшей здесь труппой Горно-Алтайского драматического театра, в Язуле — главной точке работы нашей экспедиции. Было видно, насколько московских школьников поразила *кай*. То, что им удалось оказаться свидетелями живого бытования этого древнего искусства алтайцев, а тем более сделать фотографии, аудио- и видеозаписи его носителей, — один из важных итогов экспедиции.

После Улагана была Язула. Чтобы добраться до этой отдалённой деревни, пришлось ехать 10 часов через хребты и перевалы по дороге, которая фактически была открыта только пять лет назад. Язула встретила нас дождём, сумерками, редкими огоньками, звуком работающего дизеля и отсутствием начальства, которое смогло бы сразу разместить почти два десятка человек — детей и взрослых. Уже к двенадцати нам открыли школу, где мы, кое-как кинув спальные мешки, встретили первую ночь.

Есть особые правила поведения в фольклорно-этнографических экспедициях, совершаемых по Сибири, — необходимо уважать священные места и веру народа, на земли которых ты приехал. Ещё в Улагане мы получили наставление о том, что, проезжая первый раз алтайские перевалы, необходимо совершать подношения духам — хозяевам этих мест — повязывать особым образом ленточки белого цвета, так называемые *телема*, на ветви специально избранных для этого деревьев, обычно лиственниц. Видимо, мы делали всё правильно, так как утром в Язуле светило солнце, люди были приветливы... и наша работа началась.

В Язуле мы сделали много: общими усилиями были записаны различные жанры теленгитского фольклора — песни, легенды, предания, сказки, мифологические рассказы, детские страшилки, заклинания, сделаны сотни фотографий, несколько часов видео. Весь этот материал ещё ждёт своего обобщения и невозможно охарактеризовать его в короткой заметке. Здесь же я только кратко расскажу о наших посещениях священных мест Язулы. Большинство из них мы посетили вместе с лицеистом Игорем Гусевым и двумя местными ребятами, которые были нашими проводниками.

Вообще было интересно наблюдать за тем, как наши школьники общались с язулинскими сверстниками. И как ни странно это звучит, именно это

интересно не только зафиксировать само пение, но и пообщаться с исполнителями, узнать, как они осознают традицию *кай*, каков их путь к открытию в себе этого дара и т.д. Вечером мы разрабатывали общий опросник для беседы с каждым исполнителем. Ребята объединились по парам — брать своё первое интервью. Подготовили к работе технику — диктофоны, видеокамеры, фотоаппараты. Для многих участников это была подготовка к самому первому выходу «в поле». Как начать разговор с неизвестным для тебя прежде человеком? Как сделать так, чтобы с тобой согласились поговорить? Как вести разговор, чтобы услышать не формальные ответы, а развёрнутые рассуждения, воспоминания, мнения? Как уточнять вопросы? Как держать диктофон? Кого мы вообще услышим — пожилых или молодых? Много вопросов было у ребят к руководителям... Ожидания были велики. И они более чем оправдались...

Итак, первый рабочий день в экспедиции. После завтрака мы пошли пешком в Улаган. Ребят поражала красота иной, неведомой ранее природы, они вдыхали особый воздух, насыщенный запахом трав Горного Алтая.

Добравшись до клуба в Улагане, мы расположились в зале, настроив всё наше оборудование. Начался курултай *кайчистов*. Первое выступление ввело ребят в шок. Такое они слышали впервые. Как человек может издавать такие звуки, — этот вопрос заинтриговал наших ребят, вызвал неподдельный интерес к традиции горлового пения. После концерта ребята начали общаться с выступающими. Выглядело это довольно любопытно. По всему зданию клуба, на крыльце, в коридоре, в подсобных помещениях сидели и стояли группки по три человека — исполнитель *кай* и два московских школьника. В руках у одного был топшур (традиционный музыкальный инструмент, звуком которого сопровождается горловое пение), а у двух других — диктофон и тетрадь. *Кайчисты* были несколько удивлены, но и польщены вниманием. Наши ребята, включившись в живое общение, забыли про свои страхи и старались узнать побольше о горловом пении на Алтае и о самих *кайчистах*. Такой неподдельный интерес москвичей к алтайским исполнителям позволил провести вторую, незапланированную часть концерта, на которой уже специально для нас были продемонстрированы различные варианты исполнения *кай*. Возвращались мы к месту стоянки на попутной машине. Ребята по дороге пытались, правда, довольно безуспешно, воспроизвести звуки горлового пения.

Подъехав к месту, мы обнаружили, что рядом с нами отдыхает вся милиция Улаганского района во главе со своим начальником. Они предложили нам дружеский волейбольный матч, который мы с радостью проиграли бравым ребятам-милиционерам. После игры сам начальник улаганской милиции исполнил нам *кай*, продемонстрировав тем самым, что горловое пение — живая традиция, носителями которой являются многие алтайцы. Вечером мы расшифровывали первые записи и провели первый «брифинг» — общее обсуждение того, кто что узнал, какие впечатления, какие трудности.

Первый день, который прошёл в таком живом и разнообразном общении, стал хорошим началом экспедиции. Он задал азарт всем нашим начинающимся исследованиям человека в контексте традиционной культуры Алтая; ввёл в ритм жизни исследовательской экспедиции.

«Дорога на край света»

Нам всё-таки удалось договориться с одним водителем «вездехода»-грузовика «ГАЗ-66», чтобы нас со всем нашим скарбом забросили через перевал в Язулу. Дорога была довольно долгой (10 часов) и сложной. Мы с трудом помещались в кузове, фактически сидя друг на друге поверх вещей; время от времени шёл дождь с градом. Машина медленно взбиралась по горной дороге, ревя от напряжения на крутых подъёмах. Наконец-то мы достигли перевала, на котором принесли обязательную «жертву» «хозяевам» мест — повязали три ленты на дерево и положили камень. И тут перед нами открылся долгожданный вид Язулы. Мы увидели этот притягательный «край света» — относительно небольшое селение, расположенное на склоне горы в красивейшей долине.

Въехав в ворота селения, на которых было написано что-то для нас непонятное (по смыслу же, конечно, «Добро пожаловать!»), мы остановились около здания школы. Из аила напротив школы вышла пожилая женщина. Обратившись к ней с вопросом: «Как найти директора школы?», мы получили ответ, но на алтайском языке... Хорошо, что водитель был теленгит, и он, поговорив с ней, всё нам перевёл. Директора школы в селении не оказалось — она уехала в Горно-Алтайск. Завуч ушла по ягоды. Шёл дождь. Ребята давно уже не ели. Ближе к ночи мы всё-таки нашли завуча. Естественно, поначалу мы вызвали у неё сильное подозрение и нежелание нас впускать. Она позвала своих коллег-учителей, и они стали держать совет. Мы пытались объяснить, что мы тоже, как и они, учителя с учениками, что приехали под руководством учёных для исследований культуры теленгитов, что нам интересно сотрудничать

с ними и т.д. В конце концов, выслушав все наши доводы, они убедились, что мы — не обычные туристы, и впустили в спортзал школы. В дальнейшем мы много сотрудничали с учителями.

Погружение в мир другой культуры

И вот настало утро. Началась наша жизнь в удивительном месте — Язула. С чего начинать исследования, как их проводить — первые вопросы, на которые мы пытаемся ответить. Несколько лет в экспедициях мы работали по разработанной программе исследования человека в контексте традиционной культуры. По ней проводились ежегодные экспедиции в деревни Русского Севера и в другие регионы. Однако здесь мы столкнулись с совершенно иными условиями.

Можно много и детально описывать каждый день жизни в этом месте, поскольку все они были насыщены событиями, открытиями, познаниями тайн иной культуры, загадок мысли других людей. Ограничимся описанием общего хода исследовательской работы наших подростков в условиях экспедиции в Язулу.

Сразу отметим специфику работы именно в этой экспедиции, в этом селении, с этой группой московских подростков. *Во-первых*, языковая проблема. Старшее поколение почти не говорит по-русски, и для общения со старожилками требуются переводчики из местных. Маленькие дети также не говорят по-русски, так как учить его начинают только в школе. Более-менее по-русски говорят подростки и среднее поколение. *Во-вторых*, время экспедиции совпало с сенокосом. Большинство взрослых на сенокосе или на выпасе скота в отдалённых стойбищах. Таким образом, мы общались в основном с подростками и женщинами, имеющими маленьких детей. Благодаря этому хорошо узнали реальную сохранность у младшего поколения системы представлений о мире, взаимодействия с ним, сохранность традиций. Значимыми темами исследования стали детство, процесс взросления, обряды, сопровождающие их. Кроме того,

общение позволило нам, взрослым, увидеть многие сакральные объекты в округе Язулы, а именно — *Камдива* (кладбище шаманов), *Семь Озёр* (молённое место духу горы, главному хранителю деревни), пещера *абасы* (место обитания дикого человека, которого боятся даже шаманы), *Чёртов мост*, оленные камни (древние захоронения) — и услышать рассказы о них. Причин этому, на мой взгляд, как минимум, две. Первая — взрослым, занятым в эту пору на сенокосе, было некогда совершать с нами длинные прогулки. Вторая — для людей старшего поколения Язулы посещение священных мест «просто так» запрещено, а для молодёжи это ещё своеобразная игра, хотя, конечно, они соблюдают здесь основные правила поведения — не шуметь, ничего не трогать, совершать подношение духам-хозяевам. От нас они также требовали соблюдать эти правила. Но один раз я всё-таки решил их нарушить.

Это случилось на Камдиве. Возле самой дальней могилы (раньше у алтайцев практиковалось открытое захоронение умерших), в которой находились останки шамана и детали его костюма, метрах в десяти, на земле, лежала старая медная пластинка, вероятно, деталь от шаманского головного убора. Увидев, я решил её взять с собой в Москву. Но понимая, что необходимо «спросить» на это разрешение, решил несколько минут посидеть и понаблюдать за тем, что происходит вокруг. Всё было как обычно — светило солнышко, пели птицы. Подумав, что ничего страшного нет, взять можно, я положил пластинку в рюкзак. Но... не пройдя и тридцати метров, мы увидели, как из-за горы буквально на наших глазах выползла огромная чёрная туча, и услышали удар грома. Пластинку я оставил. А дождь после этого шёл два дня. И, по словам проводников, старики, узнав, что мы ходили на *Камдив*, были очень недовольны и говорили, что из-за нашего посещения этого места и идёт дождь. Но, может, это и случайность....

Уезжать мне нужно было раньше, чем основной группе. Именно поэтому вместе со всеми я не увидел Телецкого озера — жемчужины Горного Алтая... Но, надеюсь, удастся побывать ещё не только там, но и в степях Кож-Агача, увидеть Белокуриху и вновь вернуться в Язулу, возможно, опять же с экспедицией Лицея на Донской и ДНТТМ, чтобы пообщаться с нашими новыми друзьями и знакомыми.

Владимир Кляус,

доктор филологических наук, заведующий отделом
Института мировой литературы РАН

тесное общение с подростками позволило нам проникнуть в такие места, куда нас вряд ли бы отвели старшие по причине их запретности для посторонних. Тема священных мест, сакральной географии раскрылась во многом именно благодаря тому, что один из наших ребят — Игорь Гусев — настолько подружился со своими сверстниками из Язулы, что они его водили везде. *В-третьих*, в школе, где мы жили, во время нашего пребывания днём работала «детская площадка». На эту площадку собирались дети от 3 до 13 лет и с ними занимались две студентки-практикантки из педвуза Горно-Алтайска (обе родом из Язулы). Среди нас были студентки московского педвуза, и это содействовало тому, что мы смогли с детьми и девушками-язулинками много общаться. Девушки нам очень помогали в работе, понимая наши цели и задачи, так как они тоже проходили фольклорную практику. А с детьми нам удалось провести занятия, на которых они рисовали на различные темы («Мой мир», «Чужой мир», «Моя семья», «Моё будущее», «Любимая сказка» и др.), что стало отдельной темой исследования. Также вполне органично была зафиксирована детская субкультура теленгитов: игры, детский фольклор, общение мальчиков и девочек, общение старших детей и младших и т.д. *В-четвёртых*, вся жизнь в Язуле связана со скотоводством и охотой. Хозяйствование и образ жизни сохраняют высокую степень традиционности. Вся обиходная жизнь, дом (точнее, аил), его интерьер, питание, хозяйство — всё было вновинку для наших ребят. Таких домов московские школьники никогда не видели, такой еды никогда не пробовали, такими вещами не пользовались, а в таких местах — не бывали... Это позволило нашим ребятам естественно включиться в процесс исследования, так как им действительно ничего непонятно, всё приходится спрашивать и уточнять. Интерес не поддельный. Приходилось только чуть-чуть корректировать внимание начинающих исследователей к тем или иным проблемам, а также организовывать общение исследователей друг с другом, чтобы та или иная информация уточнялась, дополнялась. Здесь сохраняется высокая рождаемость, в селении много детей. Чётко прослеживается живая традиционная преемственность. Молодёжь соблюдает большинство нормативов, запретов, предписаний. Это, с одной стороны, не дало нам возможности за короткий срок глубоко погрузиться и понять особенности культуры теленгитов, но, с другой — позволило увидеть и понять живость традиционной культуры, её силу, её определённости.

Общий ритм жизни в Язуле таков. С утра — общий сбор для «ЦУ» (ценных указаний). Каждый день руководители обсуждали темы, на которые хорошо бы поговорить со своими собеседниками, на что обязательно обратить внимание, как лучше детализировать вопросы, вести беседу. Днём все расходились по селению или расшифровывали свои аудиозаписи. Вечером все вновь собирались на «брифинг» и каждая группа исследователей рассказывала друг другу, что они сегодня узнали. На этих общих встречах ребята осознавали, что нам раскрывается в понимании культуры, образа жизни и образа мысли теленгитов; корректировали исследовательские задачи.

Практика работы в экспедиции при сохранности всех поколений жителей, в условиях, принципиально отличных от обычных для нас, а также в иноязычной среде показала необходимость погружать исследователя в реалии традиционной культуры. Наиболее успешным оказалось погружение в жизнь семьи нескольких исследователей разного возраста (школьник, студент, взрослый), которые общались с разными поколениями. По сути дела, в таких семьях, которые были готовы нас принимать, которым и мы были интересны, мы проводили время с утра до вечера. Иногда ребята уезжали на сенокос, порой оставались ночевать в аиле.

Через несколько дней работы в Язуле можно было с уверенностью сказать: Язула нас приняла. Жители оказались очень гостеприимными. Это поначалу очень удивляло московских школьников. К кому бы они ни обращались, их приглашали в аил, сажали за стол, поили алтайским чаем (с толканом и солью) или арачкой (что-то вроде кефира, из которого потом гонится молочная водка), кормили сырчком (сушёным над очагом творогом), калтыром (жареными в жиру лепёшками), мясом марала или лося и т.д. Кому-то из москвичей эта еда нравилась, кому-то нет, но если угощают — надо есть. Более того, всё, что выставили на стол, — нужно обязательно съесть, иначе обидишь хозяина. Перед едой хозяин айла «кормил» очаг — кидая в огонь кусочек еды или чуть-чуть отливая в него питьё. Где в аиле можно сидеть, а где лучше не надо; как и то, куда гостя посадили, показывает: рад или нет ему хозяин; как нужно взять пиалу с арачкой и т.д. — все эти тонкости этикета постепенно осваивались городскими подростками.

Интерес к нам со стороны жителей Язулы был не меньший, а то и больший, чем наш к ним. Мы со своими традициями взаимоотношения, своей речью, отличным от них образом жизни, да и просто внешним видом ярко выделялись на общем фоне Язулы. Вообще эти места посещают исключительно работники заповедника (но они обитают на кордоне в 10 км от селения и в самом селении не появляются), а также

туристы-водники (они тоже в селении бывают не часто, проходя пороги реки Чулышман рядом с селением). Между собой жители нас называли «русские», что для нас было довольно необычно. В других местах нас чаще определяли как «москвичей». Запомнилась одна беседа. По нашей исследовательской программе всегда проходит тема «отношение к городским жителям, к москвичам». И вот беседуем с одним из жителей Язулы: «А как у вас относятся к москвичам?..» После этого вопроса, который ещё в различных пояснениях уточнялся, возникла пауза. Человек задумался. Потом всё-таки ответил: «Да трудно сказать, у нас их и не было никогда...»

Язулинская молодёжь с большим интересом вызывала нас на общение. Вечерами школу и наш костёр обступали лошади, на которых сидели местные ребята и девушки. Они старались с нами выстроить различные формы общения — игры в волейбол, дискотеку на поляне, пение под гитару и т.д. К их удивлению, наших ребят больше всего интересовали катание на лошадях и горловое пение. В результате наши вдоволь накатались на лошадях и ещё раз сумели послушать горловое пение. Многих московских школьников поразило, что каждый парень с шести лет самостоятельно катался на лошади, а девочки доили коров и помогали по хозяйству. Их ровесники обязательно имели свой личный скот: парень — своего коня, а девушка — свою корову, а то и несколько. Московских подростков также удивляло особое отношение к лошадям, у теленгитов культ лошадей. Мы были поражены видом захоронений лошадей — голова, ноги и хвост умершей лошади вешаются на дерево.

Наши ребята сравнивали себя со своими сверстниками, живущими в совершенно иной культуре. С одной стороны, подростки теленгиты многое не видели из того, что видели наши, но, с другой стороны, местные оказываются в этих условиях значительно самостоятельнее и ответственнее. Фактически с 14–15 лет теленгиты считаются взрослыми. У многих уже predetermined, кто на ком женится и за кого выйдет замуж. Старшие дети

присматривают за младшими и ведут всё хозяйство по дому. Родители же по несколько месяцев могут находиться на дальних пастбищах. Волей-неволей ребята сравнивали себя друг с другом, видя и сходство, и различия. Так они не только познавали других, но и лучше начинали понимать себя, более адекватно оценивать свои поступки.

Перед нами открылся совершенно иной мир и отношение к этому миру. Вокруг Язулы много особых мест — мест общих пра-

зднств и жертвоприношений хозяевам гор, пещер «диких людей», священных камней, кладбищ камов (шаманов), аржанов (священные источники), мостов, построенных богатырями и т.д. Нам хотелось многое посмотреть. И благодаря нашим про-

водникам, нам это удалось. Мы всё время куда-то отправлялись, изучая иной мир, постепенно приобщаясь к иному отношению к миру. Невольно перенималось особое отношение к священному, запретному. Как, где и какие ленты надо подвязывать, что и где нельзя трогать, куда нельзя ходить, какой водой и когда нужно пользоваться и т.д. Все эти знания мы осваивали во взаимодействии с жителями Язулы, посещая эти священные места.

Иной уклад жизни и образ мысли, другой ритм жизни, иные ценности, особые взаимоотношения — всё не так, как привычно московским школьникам. Надо сказать, что мир там вообще наполнен иными запахами и звуками. Для некоторых наших ребят это оказалось неким культурным шоком. Переживали его по-разному. Кто-то мужественно преодолевал сложности, осознавая, что в чём-то растёт; кто-то с головой погрузился в общение со сверстниками-теленгитами; кто-то замкнулся в общении друг с другом; а кто-то надел наушники и включил привычную музыку...

Так или иначе мы всё-таки познавали повседневную жизнь теленгитов, обогащая тем самым себя. Наше познание проходило довольно интенсивно (хотя и несколько поверхностно). Нам даже в голову не приходило, что всё, постигаемое нами, может быть неинтересно или закрыто для тех, кто сюда приезжает. Но мы наглядно убедились в том, насколько позиция исследователя даёт больше, чем беглый взгляд туриста. Как-то, дня через три после начала работы в Язуле, несколько человек пошли на кордон в 8–10 км от Язулы вверх по реке. Раньше это была погранзастава с Тувой (когда она ещё не входила в состав СССР). Сегодня каждое лето центр «Заповедники» проводит здесь летнюю школу для молодых сотрудников заповедников и национальных парков со всей страны. Нам нужно было попасть на кордон, чтобы передать

по рации руководству экспедиции, что у нас всё хорошо, а когда закончим работать, то постараемся в определённый день прибыть на Телецкое озеро с севера, куда нам нужно будет прислать катер. На кордоне находилась довольно большая группа людей в основном студенческого возраста и старше. Они здесь жили уже более двух недель, некоторые приехали во второй или в третий раз. На кордоне нас встретили очень радушно. Тут же нашлись земляки. Нас усадили за общий стол, угостили обедом и стали расспрашивать — что да как, кто мы, где живём и чем занимаемся. Узнав, что мы — группа учителей и школьников, живущая в Язуле, — ещё больше заинтересовались: «И как же вы там живёте? А как же злые теленгиты на лошадях? Они вас не обижают?» Эти вопросы вызвали наше явное недоумение и мы принялись рассказывать, как в Язуле всё необычно, как здесь всё интересно. А тот мост, к которому они ходят купаться, построил столет назад богатырь, с внучкой которого мы сейчас общаемся... Нас не отпускали несколько часов, расспрашивая как фольклорных носителей. Мы, конечно, были горды, что вызвали такой интерес своими знаниями, хотя и понимали, что знаем пока очень мало... Но этот случай показал нам, что 10 километров могут быть расстоянием бесконечной пропасти, если не быть исследователем.

Особым опытом работы было общение со старейшим и уважаемым жителем Язулы — последним живым ветераном Великой Отечественной войны Петром Савватьевичем Сандяевым. О нём наши девушки узнали ещё в музее Улагана и с трепетом ожидали встречи. Пётр Савватьевич с радушием и гостеприимством пригласил девушек в аил, угостил их, но общаться с ним оказалось трудно. Отвечал он на вопросы односложно, не вдаваясь в подробности. Девушки терялись, не зная, как уточнить вопрос, переспросить. В результате с Петром Савватьевичем по вечерам общались руководители группы, сидя в аиле у горящего очага, внимая сказкам и историям умудрённого жизнью человека. При этом

Пётр Савватеевич всегда потом просил, чтобы мы пересказывали сказки нашим ребятам, чтобы и они тоже их знали.

Так протекала наша исследовательская работа. Каждый чем-то был занят. Кто-то больше, кто-то меньше. Кто-то с огромным увлечением, кто-то с ленцой. Жизнь шла размеренно и в то же время чрезвычайно насыщенно новым, ранее не виданным. В конце концов, время пребывания в Язуле истекло. Ребята заторопились к встрече со своими друзьями на общую конференцию. Мы стали собираться в дорогу...

Дорога до Телецкого

Тянулась два дня с ночёвкой на уже знакомом нам месте под Улаганом. На второй день пути нам открылись новые виды на Алтай: Пазырыкские курганы, озёра где-то далеко в пропасти, облака под ногами в ущелье Чулышмана, спуск в виде серпантина по почти отвесному склону, ровная дорога по извилистой долине в каньоне, православный деревянный храм между аилами... И вот, наконец, мы к вечеру подъехали к южной оконечности Телецкого озера. Там нас уже ждал катер. Быстро загрузив вещи, отправились по водной дороге. Поначалу мы ещё могли наслаждаться видами жемчужины Алтая — Телецкого озера, но только в сумерках заката. Основную часть пути мы провели в полной темноте ночи. Когда, наконец, причалили к северному берегу озера, то с удивлением обнаружили, что попали в ставший для нас чужим мир — мир цивилизации. Асфальт, фонари, бензоколонки, иномарки, подмосковного вида домики... Контраст был неожиданным, нам поначалу даже стало неудобно. Но человек быстро привыкает к новому, тем более если это новое — привычное старое...

Общая конференция

К месту конференции мы прибыли около двух часов ночи. Несмотря на позднее время, в других группах многие ребята ещё не спали. После насыщенного дня конференции и вечерней программы они продолжали об-

щаться у костров, рассказывая друг другу, кто где побывал, что увидел, какие случаи с кем произошли и т.д. Ребята нашей группы, бросив вещи, ринулись на встречу с друзьями. Пришлось приложить немалые организационные усилия, чтобы убедить их сначала поставить палатки, укрыть от дождя вещи, а потом уже общаться с ребятами из других групп. По ходу дела выяснилось: в связи тем, что группа из Язулы всё-таки доехала до общего сбора, решено продлить конференцию ещё на один день. Все, кто ещё не уезжает на следующий день, будут слушать доклады и выступления нашей группы.

На следующий день, подняв ребят, я ушёл на семинар, проводимый руководством экспедиции в местной школе для учителей и работников заповедника. Продемонстрировав кадры, снятые на цифровой фотоаппарат в Язуле, стало понятно, что мы побывали именно там, где интереснее всего. На семинаре, в общении с коллегами, я ещё глубже осознал уникальность места, до которого мы добрались, ценность собранных нами материалов. Местные жители с не меньшим интересом слушали и смотрели. Для них это всё тоже открывалось впервые. Ребята тоже сравнивали — у кого было интереснее, кто больше увидел и услышал такого, чего раньше совсем не знал. Все с нетерпением ждали дополнительной части конференции. Мы, понимая ответственность (все выступали коротко и в общем потоке мероприятий конференции, а для нас был выделен отдельный день), активно готовили свои доклады.

Вот и время нашего выступления пришло. Одновременно начался дождь. К удивлению, никого специально собирать не пришлось. Из лагерей других групп все собрались под огромным тентом и с нетерпением ждали наших рассказов. Доклады сменяли друг друга в такой последовательности: «Вступление: общие особенности работы группы в этом году»; «Сакральная география Язулы: места, обрядовые действия, случаи»; «Детство в Язуле: обрядовое сопровождение от рождения до взрослости»; «Свадебная обрядность в Язуле: разделение на теленгит-

скую и русскую свадьбы»; «Кай, кайчисты и топшур». Выступления мы сопровождали иллюстрациями особых предметов, звучанием аудиозаписей и показом слайд-фильма. Мы старались показать самобытность, своеобразие и высокую сохранность культурных традиций теленгитов в селе

нии Язула. Плохая погода не помешала слушателям проявить большой интерес.

Множество вопросов, на которые наши ребята взхлёб отвечали, оказали влияние на самих выступающих. Обсуждение с ребятами после конференции показало, что благодаря общению с друзьями и публичным рассказам о наших исследованиях к ним пришло чёткое осознание, что же каждый для себя открыл «на краю света». Ребята сами почувствовали,

что их внутренний мир обогатился, мировоззрение расширилось, они получили уникальный социальный опыт.

На следующее утро группы разъезжались: одни — уже в Москву, другие — на один из кордонов на берегу Телецкого, а мы — вниз по Бие за деревню Старая Кебезень. Несколько дней мы провели на берегу бурлящей реки в спокойном и размеренном ритме жизни. Продолжали подводить итоги экспедиции, расшифровывать свои записи. Деревня, возле которой мы расположились, напоминала обычное подмосковное дачное место. В один из вечеров мы заметили на реке знакомые катамараны, на которых сплавлялась одна из наших экспедиционных групп — «Биогеохимия». Эта группа единственная не смогла прибыть на общую конференцию. В результате ребята из наших двух групп не слышали выступления друг друга. Мы решили, что в поезде и проведём дополнительную часть конференции.

Дорога домой

Последняя ночь на Алтае прошла бурно. Поднялись ещё до рассвета. Быстрый сбор палаток, уборка поляны — всё почти на ощупь. С первыми лучами солнца приехал автобус. Дорога оказалась недолгой, тем более что весь путь мы тихо проспали.

Ожидание поезда в Бийске, где мы успели просушить палатки на заборчиках вокруг клумб. И последний этап дороги домой.

Три дня обратного пути в поезде пролетели незаметно. Первый день группы готовились к «поездной» конференции. Второй день — доклады нашей группы и группы биогеохимии. Третий день — подведение итогов и планирование на будущее. Поначалу все участники писали эссе об экспедиции. Были проведены письменные опросы и анкетирование о впечатлениях от экспедиции для того, чтобы сопоставить их с зафиксированными ранее ожиданиями. Потом было общее обсуждение экспедиции, на котором каждый участник группы высказывал свои впечатления и эмоции от поездки, отмечая, что нового она ему дала. В заключение мы наметили планы дальнейшей деятельности: общую встречу всех участников группы после экспедиции для обмена фотографиями, воспоминаниями и т.д.; кто из ребят какую тему по экспедиционным материалам возьмёт для разработки в индивидуальной исследовательской работе; какие творческие продукты будем делать по материалам экспедиции (CD-диск, альманах, видеофильм и т.д.).

Анализируя письменные рефлексии участников экспедиции, мы увидели, что поездка многое им дала: возможность узнать об иных культурных традициях и открыть что-то новое в себе и своих товарищах в течение месяца тесной совместной жизни. Основными определяющими экспедицию словами стали: «уникальная», «необычная» и «незабываемая». Экспедиция «на край света» открыла подросткам не только мир иной культуры, но и самих себя. **НО**